

В ГОСТЯХ У ОЛЕНЕВОДОВ

Максим ЕРШОВ

г. Москва

История, о которой хочу рассказать, произошла в далёком 2007 году. Многое тогда представлялось по-другому. Казалось, что туризм будет повсеместно развиваться и охватит самые дальние уголки России. Мне предложили съездить в Якутию на стойбище оленеводов и написать рассказик, чтобы по моим следам отправились ещё и ещё туристы. В общем, я был первый турист, посетивший стойбище эвенков-олeneводоv Сухой Ключ, родовой общины Уюнгеле.

Тоненькая полоска синевы на чёрном небе едва проглядывала, когда я выходил из самолёта. В Якутске -29°C . Меня встречали плотная круглолицая женщина 65 лет и узкоглазый паренёк. Внешне они отличались от якутов, это были эвенки.

Знакомимся, женщину зовут Мария Романовна, молодой человек — её внук Никон. В багажном отделении теснота и толчея, выцарапываю сумку, протискиваюсь на улицу. Воздух

холодный, но сухой, изо рта идёт пар, с появлением солнца становится светлее.

Нашего водителя зовут Павел, машина джип «Сузуки Гранд Витара». Переобуваюсь в валенки, выезжаем из аэропорта. Якутск проснулся. Выбрасывая из выхлопных труб белые облака, спешат по своим делам машины, на улицах попадаются редкие пешеходы.

Павел везёт нас по широкому снежному полю. Это зимняя дорога от Якутска к федеральной трассе «Лена», проложенная по реке Лене. От берега до берега далеко, снег идеально белый с голубоватым отливом. Из-за играющих отблесков приходится щуриться. Впечатление такое, будто попал в Арктику, пожалел, что не взял тёмные очки.

Перебравшись на другой берег, оставляем «Лену» позади. Федеральная трасса вблизи города в хорошем состоянии, далее появляются ухабы и колдобины. Разгоняться нельзя, можно вылететь на обочину. Отмахав почти 100

км, делаем остановку. Дорожный транспарант сообщает, что начинается другой улус (район). Плакат украшен ленточками, верёвками и бантами. Водители делают здесь подарок духам и просят о хорошей дороге.

Достаю бутылку коньяка, выпиваем, угощаем духов. Природа вдоль трассы не отличается разнообразием: невысокие ёлки, сосны и лиственницы, лихих подъёмов и спусков нет, как и красивых пейзажей.

Проезжаем замёрзшие речки, наличие которых можно определить только по дорожным знакам. Где встречаем деревья с ленточками, тормозим, делаем подношения.

Мария Романовна и Никон родом из небольшого посёлка Угино на реке Алдан. Это один из центров оленеводства в Южной Якутии, куда мы и направляемся.

* * *

В Москве я много читал про верования таёжных эвенков, главное из которых Чучуна. Это обезьянка или снежный человек, живёт в недоступных местах, и его мало кто видел. В 2002 г. одна из якутских газет писала про попавшую зимой в капкан обезьянку. Поймал её русский охотник в Вилуйском районе. Существо было непонятное. Может, кто-то держал дома шимпанзе и животное при -50°C убежало в тайгу? Но это маловероятно.

У эвенков есть легенда, что Чучуна — их дальний родственник. Когда зверь попадает в капкан, его освобождают, к мёртвому не подходят, место такое навсегда покидают и про встречу с родственником молчат. Существует поверье: расскажешь о чудовище — умрёшь. Я думал, это сказки...

Мои вопросы о Чучуне вызывают неловкую паузу. Мария Романовна отвечает: «Едем в тайгу, говорить про зверя не нужно!» Внук тихонько шепчет, что его дядя охотник видел Чучуну и потом неожиданно умер. В последующем Никон обещал рассказать про этот случай, но от разговора ушёл. В общем, с Чучуной вопросов больше, чем ответов.

* * *

Отмахав 400 км, проезжаем реку Верхняя Амга и посёлок с таким же названием, ещё

через 100 км сворачиваем с трассы на зимник. Перед поворотом заходим в небольшое кафе-вагончик. Нас встречает официантка, крупная женщина с удивительно мощными руками. Впечатление такое, будто их пришили от амбала-мужика. Всё правильно, начинается тайга, где изнеженные барышни не задерживаются.

Зимник — дорога, которой пользуются только зимой. Бульдозеры чистят снег, а специальная техника утрамбовывает полотно. Ухабов нет, можно на «Жигулях» пройти. Движемся более часа, и ни одной встречной машины. Начинает темнеть. Лучик света предупреждает о встречном бензовозе. Дорога узкая, прижимаемся к сугробу и кое-как разъезжаемся. Появляются покрытые лесом и снегом сопки, поднимаемся вверх, становится теплее. Алдан на более высоком уровне, нежели якутская равнина. Невольно вспоминаются уроки физики, что холодный воздух стремится вниз, а тёплый вверх.

* * *

Я сильно устал, а Угино всё нет и нет. Кругом утопающий в темноте лес. Смотрю на часы, из аэропорта выехали в 7 утра, сейчас 9 вечера, от федеральной трассы ушли на 170 км. Клонит в сон, и вдруг чудо — впереди огонёк.

Выходим из машины возле небольшого строения, чтобы спросить дорогу и двигаться дальше. Комнатка в доме одна и совсем маленькая, невысокий потолок, две металлические кровати, в железной печке огонь, в картонной коробке щенок. С плаката на стене смотрит молодой парень. Надпись сообщает, что это Влад Топалов. Теперь буду знать, как он выглядит.

Знакомимся с хозяевами. Агафья и Пантелей эвенки по национальности, в Угино живут постоянно. Пантелей — охотник. Скоро вместе с женой уйдёт на промысел.

Зима в этом году тёплая, зверья много, но цена на шкурку упала. Влад Топалов останется в домике один. Он будет ждать девочку Галю, которая учится в Якутском интернате. Семья соберётся вместе только летом. Галя обожает Влада и, когда вырастет, хочет выйти за него замуж.

* * *

Сеанс радиосвязи с оленеводами в 21 ч. мы пропустили. А если они нас не встретят?

Мария Романовна решает переночевать в посёлке. Отряхиваю с валенок снег, заходим ещё в один дом. Молодая семейная пара Василий и Айгун живут скромно, главное богатство — годовалая дочь Айна. Пьём чай, разговариваем. Айгун — фельдшер, ей приходится выезжать в глухие места на вызов. Василий — охотник, в тайге вырос и знает повадки каждого зверя.

Темнота кромешная, однако про наш визит уже все знают. В гости приходит коренастый якут Михаил и забирает меня и Павла к себе на ночлег. Михаил следит за дизельным генератором, получая 5-6 тыс. рублей, является богачом и живёт вместе с приятелем — Ганей.

Рано утром Ганя всех будит, вломившись в дом. Он выпил, хочет продолжить, но водки нет. Павел замечает у него на рубашке пятно. Выше лопатки рана, а где порезался, не помнит.

Уже потом мы узнали, что таёжные старатели угостили Ганю водкой и он решил «посвататься» к замужней женщине, супруг которой отлучился по делам. Неведомая Наталья кольнула ухажёра ножом, быстро погасив чувства. Таковы здешние законы. Жизнь в тайге, при любой власти в Москве, идёт по своим правилам, главное из которых: «Не твоё — не трогай».

Проснувшись на рассвете, я вышел осмотреться. Угино на высоком берегу Алдана, на другой стороне метеостанция, рядом богатая рыбой Угинка. Жизнь в посёлке едва теплится, из 50 домов заселены 7-8. В Центральной России часто приходится видеть, как избу, оставшуюся без хозяина, разбирают. Здесь такого нет. Можно приехать, выбрать понравившийся дом и остаться жить. В центре посёлка слегка покосившийся монумент угинцам, погибшим во время войны. Я насчитал 25 русских фамилий.

Эвенки — выходцы из Китая, прежде назывались тунгусами, расселены от Енисея до Охотского моря и от Таймыра на севере до Монголии и Китая на юге. В Якутии по переписи 2002г. эвенков 15 тысяч, в Эвенкии чуть менее 4 тысяч, и даже в Москве числится 74 человека. Эвенки первыми приручили оленя. Традиционный промысел народа — охота и рыбная ловля.

Любой эвенк зимой выживет в лесу без ружья и спичек. На мои вопросы Никон быстро отвечал, что будет делать в такой ситуации.

Во время ВОВ представителей малых народов Севера в армию старались не брать, и тем не менее 12 эвенков удостоились правительственных наград. Читая русские фамилии на братских могилах, знайте — здесь могут покоиться эвенки, якуты, долганы, нанайцы...

* * *

По глубокому пушистому снегу перебираемся на другой берег Угинки. Наступать нужно след в след, иначе проваливаешься по пояс, а встать без помощи тяжело. Идём на старое тунгусское кладбище. Меня предупреждают, чтобы молчал и не задавал лишних вопросов, мёртвые могут услышать и обидеться. Валенки полны снега, приходится ложиться на спину, только так получается его вытряхнуть. Наконец пробираемся на могилу матери Марии Романовны. Она была шаманкой, умерла в 96 лет и перед смертью передала знания дочери.

Эвенки приняли православие в начале XIX века, но продолжают верить, что существует три мира: верхний, нижний и средний. Мы живём в среднем. Попасть в другие миры могут только шаманы, зато к нам гости из других миров приходят. Могила шаманки огорожена заборчиком, имеет конусную крышу и православный крест с фотографией. Во всех четырёх углах столбики с нарезной канавкой вверху и внизу.

Придут гости из верхнего мира, привяжут оленей к столбу, используя верхнюю прорезь. Нижняя канавка — для нижних гостей. Здесь же покоится дядя Никона, сын Марии Романовны. Суперохотник, знавший о тайге всё, видевший Чучуну, умер от плохой водки. В знак уважения к усопшему рядом висит шкура лося — это давний тунгусский обычай.

Женщина долго разговаривала на эвенском с умершими. Это выглядело не показушно, но отвечали ей или нет, сказать не могу.

Возвращаемся в посёлок, завтракаем строганиной медведя, варёным рябчиком и выезжаем дальше. Радиосвязь состоялась в 9 утра, на стойбище гостей ждут.

* * *

Хочешь рассмешить Бога, расскажи о своих планах — очень правильная поговорка. До стойбища 60 км, это 1,5 ч. езды. Пройдя половину, встречаем уткнувшийся в сугроб бензовоз. Без малейшего намёка на панику, при температуре -20 С, уже 16 часов в кабине сидит водитель и греется от небольшой печки.

Парень родом из-под Комсомольска-на-Амуре, работает вахтовым методом, на лето уезжает домой. Солярку возит на базу старателей. С весны по осень дороги превратятся в болото, а для нормальной работы на летний сезон нужно завезти топливо. Вот и спешат бензовозы по последнему снегу. Старатели добывают золото. О своих делах говорить не любят. Мои вопросы остаются без ответа.

В итоге мы изменили маршрут и отвезли водителя вместе с его лопнувшей помпой до базы. На Сухой Ключ прибыли только к середине дня.

* * *

Родовая община Уюнгеле получила название от небольшой речки, либо речку назвали в честь общины. Письменность у тунгусов появилась 80 лет назад, поэтому точно не установишь. В брежневские времена Якутия процветала. Угину был ухоженным посёлком. Оленеводы, работая в колхозах, получали 50 р. и вели благополучную жизнь. Рыночная экономика для таёжных жителей стала катастрофой хуже Тунгусского метеорита.

Оленеводы продавали товар казалось бы за нормальные деньги, а купить могли только спички. Охотник выходит из тайги, приносит шкурки и мясо, а коммерсанты в ответ: «Доллар подрост, теперь твоя оленина стоит меньше, а наши товары больше!»

После развала колхозов эвенки стали возвращаться к опробованному веками образу жизни. Каждый род имеет главу общины, который является президентом и министром иностранных дел, ибо отвечает за общину и за её связь с внешним миром. Нужно продать таёжные лыжи, глава общины проконтролирует, чтобы городской человек заплатил правильную сумму. Со шкурами и мясом вопрос опять же решается через главу общины. Жители тайги

наивны как дети, и городскому человеку ничего не стоит их обмануть. Руководителем Уюнгеле после смерти сына стала Мария Романовна. В поисках денег она предложила привозить на Сухой Ключ туристов.

* * *

Оставив джип на зимнике, около двух километров идём пешком по тропинке с утрамбованным снегом. Шаг вправо, шаг влево — проваливаешься по пояс. Вокруг множество следов. Никон звериную роспись внимательно изучает, потом заверяет, что волков и медведей вблизи нет, жизни туриста хищники не угрожают.

Мохнатые белые собаки встретили громким лаем. Стойбище состояло из двух избушек с конусной крышей. На улице под навесом хранились шкуры зверей и их туши. Возле одного домика лежали отрубленные копыта лося, рядом карабин и широкие лыжи, обшитые оленьим мехом для скольжения. Брезентовая палатка с печкой выполняла роль гаража для снегохода, рядом чернело множество бочек. Топливо необходимо для бензогенератора. Самое главное — загон для оленей оказался пуст, а может, их тут и вовсе нет? Я расстроился.

* * *

Встречать гостей вышел брат Марии Романовны. На вид Игорю было примерно 60, и мне подумалось, что именно так выглядел Дерсу Узала. Ещё одним обитателем стоянки оказался 23-летний Виталик.

Пригнувшись, через утеплённую шкурами дверь заходим внутрь домика, где по-таёжному всё строго и просто: металлический ручной молоток, полка для посуды, железная буржуйка, стол для приёма пищи, вместо табуреток распиленные стволы, для сна лавки и шкуры.

Игорь угощает строганиной. Мы узнаём, что он болен. Мария Романовна разговаривала со стойбищем из Якутска по рации. Игорь сказал, что заболел гонореей, и просил привезти лекарство. Женат он не был, женщин на всю округу раз два и обчёлся, да и юморист Игорь ещё тот. В общем, Мария Романовна решила, что это шутка, а зря. Гонорея оказалась тяжёлой формой геморроя.

Виталик, молодой цветущий парень, осенью сломал ногу. Стопа срослась коровьим копытом, и теперь он еле ходит. Сотрудники военкомата повесток не присылали, врачи в тайге не бывают, страховых полисов у оленеводов нет. Остаётся только терпеть. Нужно заметить, отношение к своему здоровью у таёжников — авось пройдёт.

* * *

Несколько лет назад в одной телевизионной передаче я смотрел, как ведущий беседовал с Немцовым. Речь шла о событиях дефолта. Работавшие в то время в Белом доме Немцов и Кириенко оказались морально сломлены, взяли бутылку водки и пошли к бастовавшим поблизости шахтёрам изливать душу. Горняков в палаточном лагере насчитывалось более двадцати человек, и не удивительно, что они послали молодых реформаторов. Что такое одна или пусть даже две бутылки на 22 человека?

Перед поездкой я долго думал, какое количество алкоголя привезти с собой. Перебор и недобор одинаково нежелательны! Мария Романовна человек опытный, по прилёте попросила сдать в её распоряжение спиртные напитки. Глава общины своих ребят знает и ситуацию просчитывает на три хода вперёд. Забегая вперёд, скажу, что с ролью разливающейся она справилась хорошо.

* * *

Оленеводы в тайге имеют по несколько стоянок, кочуют в зависимости от времени года и от потребности стада. За две недели до выезда мне сообщили, что на стойбище Сухой Ключ живут: молодая семейная пара, шестилетняя девочка Саяна с родителями и старый охотник. На месте оказался только Игорь. Саяну увезли делать прививки, а молодожёны уединились, отпочковываясь на дальнейшее стойбище.

Виталик принадлежит к другой общине, проезжая мимо, узнал о болезни товарища и решил остаться, чтобы помочь. Чумы на Алдане почти не используют, но чумработницы есть. Женщины круглые сутки следят за печкой, готовят еду, моют посуду, одним словом, выпол-

няют всё, что положено домохозяйке. Именно такой чумработницей стал на время Виталик.

* * *

Сухой Ключ — вход в другую страну. Там нет дорог, нет капитальных строений, в стороне путеводные реки Алдан и Угинка. Передвижение осуществляется на оленях. Зимой их запрягают в нарты, летом садятся верхом, как на лошадь. Расстояние измеряется часами пути. Селиться стараются не ближе и не дальше дневного перехода — так удобней охотиться.

* * *

Радиосвязь в 7 вечера. Игорь включает по-видавшую виды рацию, начинается сеанс: «Тананьга, тананьга, приём...»

Тананьга на эвенском — небольшое деревце — это наш позывной. Все разговоры только на родном языке. Единственное слово, которое я понял, — «корреспондент». Оленеводы годами не видятся, однако друг с другом таким образом общаются. Игорь с восторгом сообщает про мой визит и с каждым стойбищем даёт поговорить. Эвенки переходят на русский, чувствуется стеснение, отвечают просто, но всякий раз спрашивают о Москве.

Стараюсь брать инициативу, рассказываю о себе. В ответ идут предложения заехать к ним в гости. Обещают подарить белого оленёнка, щенка таёжной собаки, научить охотиться. Визави не понимают, как можно приехать на два дня? Пятилетний Елизар уже говорит по-русски и исполняет для меня три песни: первую на эвенском, вторая «Владимирский централ» и, конечно, «Увезу тебя я в тундру».

Родители мальчика дружат с родителями Саяны. Дети между собой не встречались, но в радиоэфире общаются. Рация не телефон, за разговоры платить не нужно. Мне не удалось убедить эвенков, что я не корреспондент. По их понятиям, турист должен прийти сам, с рюкзаком. Лет 15-20 назад такой человек здесь был.

* * *

Мария Романовна по приезде переделалась в национальную одежду, исполнила ритуальную

песню и угостила огонь коньяком. К огню эвенки относятся уважительно! Нельзя обходить печку по кругу, плевать или плохо говорить в его сторону. Ещё запомнилось, что воду из источника можно брать только вечером, когда солнце отдало дневное тепло, а злой дух ночи ещё не появился.

* * *

Всё хорошо, но оленей нет. Игорь усмехается, советует пить больше чаю, тогда и олень придёт. Человек он интересный, слушает новости, отличает «Фабрику звёзд» от проекта «Народный артист», знает о нарушившей закон американской астронавтике, в глобальное потепление не верит, крах СССР считает ошибкой. Чучуну Игорь не встречал, но подтверждает — дядя Никона зверя видел.

Осенью он намеревается посетить ближайший посёлок Верхняя Амга, чтобы дозвониться до президента и задать вопрос. Старого оленевода волнует международная обстановка — президент ещё молод и не понимает, что нельзя давать возможность Америке размещать ракеты в Чехии.

* * *

Как я уже писал, на стойбище живут молодожёны, они оставили ребятам DVD-плеер, который община подарила им на свадьбу. Дисков с фильмами около 20, в основном американские, но ужастиков нет.

Единственная для Виталика невеста Галя из Угино уже забита Владом Топаловым. Думаю, даже если Топалов на девчонке не женится, в посёлок она не вернётся. Как говорит Игорь — бабу в лес не затащишь. Город — как обаятельный кавалер, очаровывает женщин, а тайга женит мужиков на себе. Даже приезжающие на сезонный заработок задерживаются на долгие годы.

* * *

Алдан находится на широте Питера, начало марта для здешних мест — прекрасное время. Оранжевый диск солнца ходит на покой не спеша, словно купаясь в деревьях. После заката

темнота сразу не наступает. Природа даёт человеку время на размышление о своих поступках за день.

* * *

Ужинаем жареной олениной и ложимся спать в свободном домике. Всю ночь поочерёдно подбрасываем в печку дрова, отчего заснуть удалось под утро. Но и утром спать долго не пришлось, разбудили пришедшие олени. Таёжные красавцы внимательно рассматривали нового человека. Вожак стада в 20 голов носил на шее погремущку, чтобы остальные привыкали к звуку и держались рядом. Вожак решил, что я не представляю опасности и убежать не стоит. Замшевые красавцы передвигались с достоинством, без спешки и суеты.

Люди, собаки и олени стараются держаться вместе. Для всех троих — это полезный союз. С первыми двумя понятно, а олень, какая ему выгода? Летом оленеводы жгут еловые ветки, олень в дыму отдыхает от комаров и гнуса.

А зимой? Я был поражён увиденным! В течение дня животные к нам привыкли, и я неоднократно наблюдал такую картину. Человек выходит из домика, олени наблюдают. Остановившись, опускаешь руки вниз, самый смелый спешит проверить появление жёлтого снега. Стадо ходило вокруг стойбища, слизывая продукт людской жизнедеятельности. Соль для оленя лакомство. Не зря Игорь советовал чаю больше пить.

С вожаком и его гаремом удалось подружиться. Я угощал их шпротами и солью с ладони. Тут главное пальцы не оттопыривать. Олень не собачка и случайно может куснуть.

* * *

Первый день путник — гость, дальше — член общины. Едят эвенки помалу, сырым мясом насыщаешься быстро. Мне показали, где находятся туши оленя и лося, и выдали нож. Время от времени я подъедался.

Права — это хорошо, но появились и обязанности. Я, Паша и Никон решили пополнить для стойбища запас дров. Таёжные люди живут в гармонии с природой, напрасно зверя не застрелят, а ветку не сломают. Больше трёх сухих ёлок Игорь пилить не разрешил.

После этого мы с Никоном приучали годовалых оленей ходить в упряжке. Самец оказался с норовом, постоянно бежал посреди тропинки, выталкивая даму в сугроб. Ремни часто запутывались, и под конец маршрута я уже научился запрягать нарты сам. Никон объяснил, как отличить в тайге домашнего оленя от дикого. Домашний при встрече с человеком сразу не убегает, сперва принюхивается, а дикий — шарахается в сторону, прыгая с задних ног на передние, как символ завода ГАЗ.

* * *

После обеда Мария Романовна дала указание поставить банный чум. Никон и Виталик связали верёвкой концы длинных жердей и развели их по сторонам, получился каркас для чума. Затем накидали вниз еловых веток и прикрыли брезентом, привязали оленьи шкуры к жердям, из гаража-палатки принесли буржуйку. Для бани оленеводы держат комплект камней. Конечно, это не финская сауна. Чум маленький, лавки нет, приходится стоять, и ноги ниже колен не прогреваются. Зато жар приходит быстро, можно выскочить на мороз, нырнуть в сугроб, растереться снегом и после этого обогреться в чуме.

* * *

К вечеру меня ожидал сюрприз. К стойбищу подошла колонна из семи оленей, запряжённых в три упряжки нарт. Отдельно впереди шёл белый красавчик, он нёс какой-то тюк с поклажей. Белый олень считается священным, его стараются не ставить в связку, он носит личные вещи оленевода.

Глава общины попросила соседа Емельяна приехать в гости на Сухой Ключ. Именно к нему я должен был вчера совершить пятичасовой переезд и заночевать там. Увы, сломавшийся бензовоз планы поменял. Емельян остановил караван, посмотрел, не натёрла ли упряжка оленьи шкуры, поколдовал возле копыт невысокой самки, угостил подопечных с руки, потом отсоединил каждую пару отдельно. Если животные работали, их нельзя сразу отпускать в тайгу, они должны набраться сил,

чтобы убежать от волка. Отдохнут, тогда и расцепить можно.

* * *

Емеля — круглолицый, коренастый мужичок, 45 лет, очень скромный и не особо разговорчивый. Зайдя в домик, первым делом отдал приветствие огню. Вывести Емельяна на разговор было сложно. Выручила Мария Романовна, она налила нам 3 раза по 50 грамм. Мы выпили за оленя, за рога, за копыта — и контакт был установлен!

Емельян живёт на стойбище вместе с двумя эвенками. Все принадлежат к родовой общине Уюнгеле, все неженаты. Зато оленей у Емельяна около 300. Мои вопросы, каждого ли он помнит, вызывают смех. В путеводителе о Якутии автор описывает, как эвенки завязывают верёвкой рога домашнего оленя и выпускают весной в тайгу. Он вступает в бой с диким самцом, оба запутываются — так эвенки пополняют стадо. Я рассказал про это Емельяну. Все опять смеются.

Возможно, подобное есть в Канаде, где каждое животное носит радиомаячок, либо у оленеводов тундры. Пара самцов, сцепившись рогами, очень часто погибает. Емельян умеет подзывать дикого оленя и хорошо знает, как с ним подружиться. В случае успеха это будет преданный друг. Зато, если домашняя самка спутается с диким красавцем и уйдёт из стада — найти и пристрелить предательницу дело чести.

Виталик молод, но уже положил двух медведей. Первый выстрел в глаз, хозяин тайги бросается на обидчика — второй пулей нужно обязательно попасть в голову. Такие дуэли проходят на близком расстоянии. Времени на третий выстрел зверь не даёт, нервы должны быть крепкими.

Сколько медведей застрелил Емеля, он уже не помнит, в год примерно 1-2, за 30 лет большая цифра. Карабины старые, разрывных патронов нет, поэтому поединок проходит честно.

После долгих уговоров мне показали, как нужно стрелять. Виталик и Емельян с 40 метров сбивали пулей сучки с дерева. Победил опыт, молодость на третий раз дала осечку. Дали пальнуть и мне — я попал только в ствол.

* * *

В Москве, когда я видел по ТВ репортажи о прилетающих к оленеводам вертолётах с избирательной урной для голосования, считал это сказкой. Нет, это правда. В назначенный день звенки зажигают костёр, надевают лучшую одежду и в течение долгого времени слушают небо. Так из-за политики в 1996 году Игорь поссорился с Емельяном. У каждого были свои симпатии, в радиозфире шли жаркие споры. Время всех помирило.

Сейчас главные обиды у Емельяна на ветеринаров. Они появляются на вертолётке один раз в год, находят «больного» оленя, закалывают, а тушу «сжигать» увозят в Якутск. На стойбищах ветеринаров ждут, чтобы показать копыта и зубы. Олень для оленевода как родной ребёнок, но врачи подходят к делу очень формально, оставляют вакцину и улетают.

— Так и напиши про них, — волнуясь, объясняет Емеля. Я записываю информацию в блокнот. Надоело объяснять, что я не корреспондент из газеты.

* * *

Обезболивающие препараты у Марии Романовны закончились. Игорь опять почувствовал себя плохо. Сеанс радиосвязи в 19 часов. У фельдшера Айгун нужных лекарств нет, глава общины советуется с людьми, но что делать, непонятно. Под конец сеанса авторитетный охотник объясняет, как лечить болезнь народным средством. Я не знаю звенского, но, услышав на русском «картошка, кубик, жопа», сразу всё понял. Скоро совсем стемнеет, и глава общины просит Пашу отправиться в Угино за картошкой.

До зимника я, Пашка, Никон, Виталик и Емеля едем на снегоходе. Мария Романовна строго-настрого велела Емеле прийти вместе со мной на стойбище. Емельян почти два года не был в посёлке и в последний момент уговорил Виталика поменаться ролями. Снегоход оставляем на дороге, чтобы ребятам было удобней ночью вернуться. Волоча больную ногу и опираясь на меня, Виталик еле идёт, но просит не оглядываться. В темноте этого делать нельзя — плохая примета.

Мария Романовна, увидев, кто уехал, понимает, что должно произойти что-то нехорошее. Долгое время ребят нет. Я волнуюсь, мне утром в 6 ч. выезжать в Якутск, самолёт ждать не будет. Компания вернулась в три часа ночи. Емельян встретил знакомого старателя, которого давно не видел. Русский парень угостил его купленной на метеостанции водкой, и на стойбище Сухой Ключ вернулся совсем другой Емеля — злой и агрессивный. Сейчас мне забавно вспоминать, как он раз 20-30 талдычил, что «наденет тёмные очки и приедет в Москву перестрелять всех тех, кто убивает за правду журналистов», но тогда было не до смеха, да и поспать не удалось.

Действие чуть было не переросло в национальную борьбу «Хапсагай». Самое обидное, на тропинке от зимника к стойбищу потерялся пакет с драгоценной картошкой. Я взял фонарик и отправился на поиски. Никон, испугавшись за жизнь туриста, побежал вдогонку, прихватив собачку Кубика. Над деревьями показалась ровная половинка жёлтой луны. Стало немного жутковато, лезли дурные предчувствия, и они сбылись. Картошку в глубоком снегу нашла отправившаяся искать после нашего возвращения Мария Романовна.

Пройдя километр, нам пришлось повернуть назад, Никон стал корчиться от боли и ложиться на снег. Кубик беспокоился, громко лаял, просовывал морду под Никона, пытаясь приподнять и согреть собой. Я думал, выпил человек лишнего, идти не хочет, с грехом пополам потащил его на стойбище. Мне казалось, что он сопит носом, ибо с постоянной периодичностью слышался щелчок. Уже в конце пути я понял, что выбит сустав. На стойбище, узнав о новом инвалиде, паники не проявили. На всякий случай дёрнули парня за ногу, после чего все легли спать.

Емеля меня зауважал и решил охранять «корреспондента», устроившись рядом на самой широкой лавке, и даже налил спрятанной на утро от Марии Романовны водки. Это было реальное пойло! Кто-то разводит технический спирт и продаёт людям.

* * *

Через час на рассвете настойчиво зазвене-ла погремушка. Белый вожак ходил по стой-

бищу и искал Емельяна. Я вышел из домика, и сзади кто-то уткнулся мне в спину. Затем, как большой ребёнок, мордой в живот начал ласкаться второй олень. Я почесал ему за ухом, но самца это, наоборот, насторожило. Я спал рядом с Емельяном, и от меня пахло хозяином. Животные подняли головы, расширяя глаза, стали всматриваться в лицо — грусть и обида читались во взглядах. Презрительно фыркнув, олени предпочли как можно быстрее отойти от обманщика.

* * *

Жизнь в современном мире является для меня загадкой. Я два раза спрашивал Марию Романовну, почему она не устроит Виталика в больницу? Она оба раза отвечала, что не сможет этого сделать, так как парень из другой родовой общины. Теперь, когда сломал ногу внук, она решила не брать его в город и оставить на стойбище. Никон имеет страхового полис, якутскую прописку, состоит в молодёжном комитете Малых народов Севера, только под его ногу можно заманить вертушку с врачами на Сухой Ключ. Повторюсь, члены избирательной комиссии свою избирательную урну на вертолёт доставляют.

* * *

Из-за множества проблем вместо 6 утра удалось выехать только в 11. В дневное время проезжаем участок, который в темноте я толком не видел. Алдан прекрасен и живописен! Прибрежные сопки покрыты хвойным лесом. В некоторых местах, как зубы дракона, торчат скалы. К концу весны снег растает, лёд сойдёт, и попасть в Угино можно будет только на пароме — один раз в неделю. До ближайшего города Томот по реке 250 км.

Алдан насколько красив, настолько и опасен. Течение быстрое, река промерзает не везде и даже при -20°C в отдельных местах можно запросто провалиться под лёд. В свою очередь, летом необходимо знать фарватер — острых камней под водой великое множество.

Рядом с Угино, на берегу Алдана, священные скалы с рисунками. С давних времён шаманы общаются там с духами. Мы пытались к скалам

проехать, но дорога оказалась плохая. Джип начал зарываться в снег, и от затеи пришлось отказаться.

* * *

Обратный путь складывался тяжело, словно тайга не хотела меня отпускать. Вместо 13 часов ушли все 17. Я прибыл в Якутск за час до начала регистрации на рейс. Оленеводы подарили мне 20-килограммовый кусок лося, немного вырезки изюбря и шкуру оленя. Я решил в аэропорту плотнее утрамбовать шкуру — на пол с грохотом вывалился магазин, полный патронов, от Пашкиного карабина. Павел перепутал мешки, и я чуть не стал террористом.

* * *

Дальнейшее развитие событий мне неизвестно. Якутский телефон Марии Романовны не отвечает. Очень хочется верить, что ей удалось вызвать вертолёт и медики помогли ребятам.

Человек должен верить в хорошее...

Девочка Галя из посёлка Угино выйдет замуж за Влада Топалова, они будут жить долго и счастливо. Игорь дозвонится до президента. Владимир Владимирович внимательно выслушает оленевода, сделает выводы, и американские ракеты в Чехии размещены не будут.

Что касается меня, я оставил таёжникам московский адрес и телефон. Вдруг они прикочуют в гости, раскинут чумы в лесу, возле станции м. «Измайловская». Суровые, загруженные каждый своей проблемой пассажиры метро увидят оленей и улыбнутся.

P.S. На такой ноте в 2007 году я закончил рассказ. Он был опубликован в журнале «Всемирный путешественник» и размещён в интернете. Журнал на ноги встать не смог, как и туризм на отдалённых стойбищах. В любом случае история имела продолжение!

Через два года в Москву прилетела Мария Романовна и какое-то время жила у меня. В столице проходил съезд северных народов. Она захотела приехать и рассказать о проблемах.

Из Якутска Мария Романовна летела через Новосибирск, где при повторном досмотре в сумке нашли патроны. Теоретически, при лесной жизни патроны в женской сумке — это нормально. Она же посчитала, что якутская мафия подбросила специально, дабы она не попала в Москву. С рейса сняли, но в душе ещё сильнее разгорелось — приехать и рассказать.

Через два дня до Москвы она добралась, но съезд уже завершился. Какое-то время женщина ночевала на Казанском вокзале, днём надевала шаманский костюм и ходила вокруг Останкино. Мария Романовна думала, что на неё обратят внимание и пригласят на телевидение, где она на всю страну поведает о наболевшем.

Так продолжалось три дня, но на телевидение чудную шаманку никто не пригласил. Отчаявшись, она позвонила мне. Мы встретились, и у меня она прожила несколько дней.

Впереди были майские праздники, мы с женой уехали в Литву. Мария Романовна сходилa в представительство Республики Саха, где ей помогли. Какое-то время она оставалась в Москве, но в итоге улетела домой. В конце мая вместе с Никоном звонила мне по спутниковому телефону.

Как теперь живут Никон, Мария Романовна, Пашка и ребята-оленоводы, не знаю. Я часто

пересматриваю фотографии и вспоминаю Алдан.

Девяностые начались одновременно, но закончились везде в разное время. Молодое поколение девяностых не видело, и слава Богу! За прошедшие годы в стране произошла трансформация, которая коснулась не только Москвы, но и малых посёлков. Очень надеюсь, что изменения дошли до таёжных стойбищ.

Максим Александрович ЕРШОВ

родился в 1967 г. в Москве. Срочную службу проходил в Германии, занимался ремонтом машин, работал в газете «Из рук в руки».

Член Русского географического общества и Российского союза писателей. Как путешественник побывал во многих труднодоступных уголках планеты. Посетил более 80 стран, написал большое количество историко-этнографических очерков.

Лауреат литературного конкурса «Наследие» 2020 г.

В 2022 г. РСП издал книгу с рассказами М.А. Ершова «Русские боги».

В соавторстве с Г. Леонтьевым в 2017 г. вышла историко-географическая книга «Тайны оманского ладана».

